

CHRONICLE
Events in world science
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Обзор конференции

Научная статья
УДК 94(063)(540+5)
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-412-430>

Исторические науки

LXI Ежегодная международная конференция
«Рериховские чтения». «Текст и пространство
культуры: Древняя и средневековая Индия
и Центральная Азия»

Елена Валерьевна Тюлина

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
tyulina57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор «Рериховских чтений», ежегодной конференции, в которой традиционно участвуют исследователи, продолжающие основные направления научной деятельности Ю. Н. Рериха. В 2021 г. отмечалось 100-летие со дня рождения выдающегося отечественного тибетолога Юрия Михайловича Парфионовича (1921–1990), и конференция была посвящена его памяти. Она началась с мемориальной части, в которой выступавшие поделились воспоминаниями о Ю. М. Парфионовиче и рассказали о его роли в изучении тибетского языка и тибетских буддийских текстов. Доклады основной части конференции были посвящены исследованиям Тибета, Индии и Центральной Азии и охватывали несколько областей гуманитарного знания: филологию, языкознание, историю, искусствоведение, философию, религиоведение. Все они были объединены общей темой «Текст и пространство культуры. Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия» и так или иначе были связаны с изучением мировоззрения и культурных взаимодействий исследуемых регионов.

Ключевые слова: тибетология; индология; перевод и интерпретация текстов; Ю. Н. Рерих (1902–1960)

Для цитирования: Тюлина Е. В. LXI Ежегодная международная конференция «Рериховские чтения». «Текст и пространство культуры: Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия». *Ориенталистика*. 2022;5(2):412-430
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-412-430>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

LXI George Roerich Annual International Meeting (Text and cultural space: Ancient and Medieval India and Central Asia)

Elena V. Tyulina

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
tyulina57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>*

Abstract. The article offers a review of the George Roerich Annual International Meeting, an annual conference in which researchers traditionally participate, continuing the main directions of scientific activity of George Roerich (russ.: Yurii Nikolaevich Rerikh, 1902–1960). In 2021, the 100th anniversary of the birth of the outstanding Russian Tibetologist Yuri Mikhailovich Parfionovich (1921–1990) was celebrated, and the conference was dedicated to his memory. It began with the memorial part, in which the speakers shared their memories of Y. M. Parfionovich and told about his role in the study of the Tibetan language and Tibetan Buddhist texts. The contributions of the main part of the conference were studies of Tibet, India and Central Asia. They covered several areas of humanitarian knowledge: philology, linguistics, history, art history, philosophy, religious studies. All of them were united by a common theme "Text and cultural space. Ancient and medieval India and Central Asia" and in one way or another were associated with the study of the worldview and cultural interactions of the studied regions.

Keywords: Tibet, studies; Indology; Texts, Tibetan, translation of; Texts, Indian, translation of; Roerich, George [Rerikh, Yurii Nikolaevich] 1902–1960

For citation: Tyulina E. V. LXI George Roerich Annual International Meeting (Text and cultural space: Ancient and Medieval India and Central Asia). *Orientalistica*. 2022;5(2):412–430 (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-412-430>.

13–15 декабря 2021 г. в Институте востоковедения РАН состоялись LXI «Рериховские чтения» «Текст и пространство культуры: Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия». Они были посвящены 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного востоковеда Юрия Михайловича Парфионовича (1921–1990), исследователя тибетского языка и тибетских буддийских текстов.

Во вступительном слове директор ИВ РАН А. К. Аликберов подчеркнул важность изучения буддизма, которому в отличие от других традиционных религий ученые уделяют гораздо меньше внимания. По его мнению, необходимо не только исследовать историю буддизма, но и его современные вари-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

анты, особенно наш внутренний буддизм. Он рассказал о работе по созданию нового «Центра буддийских древностей», призванного исправить сложившуюся ситуацию.

В начале конференции вдова Ю. М. Парфионовича *В. С. Дылыкова* (независимый исследователь) поделилась своими воспоминаниями о жизненном и научном пути этого выдающегося ученого, продолжившего исследования Ю. Н. Рериха в области тибетологии. Наиболее подробно она рассказала о том периоде, когда к изданию готовился «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» Ю. Н. Рериха, для работы над которым еще при жизни Юрия Николаевича была создана группа, куда входил Ю. М. Парфионович. После ухода из жизни Ю. Н. Рериха (21.05.1960) этот труд был доработан и издан Ю. М. Парфионовичем и *В. С. Дылыковой* [1]. Она рассказала также о работе над переводом медицинского трактата «Голубой берилл», которому Парфионович посвятил пять лет жизни (1983–1988). Первое издание этого труда под названием *Tibetan Medical Paintings* появилось в Лондоне в 1992 г. уже после смерти Юрия Михайловича [2]. В России при участии Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН русская версия была издана в 1994 г. [3]. В подготовке к изданию этой и других работ соратницей и верной помощницей Ю. М. Парфионовича неизменно была его жена *В. С. Дылыкова*. Она и теперь продолжает заниматься исследованием тибетских текстов, работает над переводом и изучением «Калачакрантры».

Доклад *И. В. Григорьева* (Исп. ком. СНГ) «Ю. М. Парфионович и будущее отечественной буддологии» был посвящен роли исследований этого выдающегося ученого в российском востоковедении. Хотя профессиональная деятельность Ю. М. Парфионовича продолжалась немногим более 30 лет, ему удалось заложить фундамент отечественной тибетологии. По мнению докладчика, его труды представляют не только огромную научную ценность, но и важны для подготовки квалифицированных тибетологов. Особенно широко используются созданный им совместно с *Б. В. Семичовым* и *Б. Д. Дандароном* «Краткий тибетско-русский словарь» [4], его книга «Тибетский письменный язык» [5], а также доработанный им «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» Ю. Н. Рериха. Наиболее признанной на международной арене работой Ю. М. Парфионовича является его издание и исследование медицинского трактата «Голубой берилл», переведенное в 1990-х годах на все европейские языки. Докладчик рассказал о работе группы энтузиастов над брошюрой, посвященной 100-летию Ю. М. Парфионовича, в которой они намереваются опубликовать воспоминания известных деятелей культуры и науки о встречах и контактах с этим выдающимся ученым.

Научная часть конференции началась с выступления ученых, занимающихся **исследованием истории и культуры Тибета и буддизма**.

Е. Д. Огнева (ИВ НАН Украины) в докладе «Образы бодхисаттвы Авалокитешвары в коллекции Кабинета Рериха: Авалокитешвара – податель прозрения» рассмотрела три танки с изображением бодхисаттвы Авалокитешвары. Из них на двух изображен хорошо известный образ – «Авалокитешвара Четырехрукий» (санскр. *avalokiteshvara chaturbhujā*, тиб. *sruyan-ras-gzigs phyag-bzhi-pa*), ипостась бодхисаттвы Милосердия, который

известен также как Авалокитешвара Четырехрукий Шестислоговой (тиб. *spyun-ras-gzigs phyag-bzhi-pa yi ge drug pa*). Еще на одной танке представлен персонаж, известный как Мигджед (тиб. *mig-'byed*), или «Глазоцелитель» – податель прозрения. Появление образа этого бодхисаттвы связывается с традицией школы ньингма и восходит к тибетской традиции письменных медицинских текстов, описывающих целительную практику тибетских лекарей – «окулистов». С течением времени культ этого бодхисаттвы формируется и в других буддийских школах Тибета, в частности в школе гелук. Особую популярность культ Мигджеда получает в Монголии, где он известен как Мигджид Жанресиг (от тиб. Чэнрезиг – «Взирающий оком»). Однако время его проникновения из Тибета не установлено. Докладчица рассказала о трудностях интерпретации иконографии Мигджеда, которая, по всей видимости, окончательно не сложилась: на танках, где представлен его образ, жест «очищения глаз» изображается достаточно произвольно, элементы иконографии бодхисаттвы Авалокитешвары воспроизводятся непоследовательно (отсутствие образа будды Амитабхи, отсутствие шкуры антилопы, изменение атрибутов).

Доклад *Б. У. Куминова* (ИВ РАН) «Захват джунгарами Тибета в 1717 г.» был посвящен религиозным и политическим причинам вторжения джунгар в Тибет. Докладчик показал, что этому событию предшествовал религиозный кризис: ламы трех ведущих монастырей школы гелук (Серы, Дрепунга и Таши-лхунпо) считали Далай-ламу «ложным», так как он стал ньингмапинцем и уже не мог быть во главе традиции гелук. В своей борьбе за «изначальное» учение Цзонкхапы они опирались на Панчен-ламу. Добиваясь интронизации «истинного» воплощения – юного Калсана Гьяцо и свержения правителя Тибета Лхавзана, ламы обратились за помощью к джунгарскому Цэван-Рабдану. В начале августа 1717 г. джунгары во главе с Церинг-Дондубом вошли в тибетский Нгари. В последние дни ноября того же 1717 г. они захватили Лхасу. Докладчик рассказал о политической ситуации того времени, не позволившей джунгарам надолго обосноваться в этом регионе, и подробно восстановил историческую последовательность дальнейших событий, в результате которых осенью 1720 г. джунгары покинули Лхасу. В Лхасу был доставлен Далай-лама, которого был вынужден признать Панчен-лама, а император утвердил его Далай-ламой Шестым.

Р. Н. Крапивина (ИВР РАН) в докладе «О буддологии в тексте *Abhisamayālaṅkāra* (тиб. *Mngon rtogs rgyan*)» опиралась на текст, полное название которого «Трактат об инструкциях о совершенстве понимания, называемый “Украшение из постижений”». В буддийской традиции автором этого текста считается бодхисаттва Майтрея, передавший его Арья Асанге – знаменитому индийскому философу IV в. Этот текст является комментарием к сутрам Праджняпарамиты в версии сутры из 25 тысяч строф. Комментарий и структура самого текста раскрывают «скрытый» в сутрах Праджняпарамиты предмет – путь (скр. *mārga*; тиб. *lam*) как систему мышления и поведения. Первые три главы содержат «три типа всезнания» – всезнание основ, всезнание путей и всезнание Будды. Последующие четыре главы представляют «инструментарий» для овладения тремя типами всезнания. Последняя, восьмая, глава описывает результат прохождения пути под названием «тело-Дхарма», то есть корпус знания, достигнутого на Пути и представляющего собой

новые качества ума и тела пробужденного существа (Будды) [6]. Докладчица показала важность этого текста для живой современной традиции обучения и образования в буддийских монастырях-университетах. При этом она подчеркнула, что носители традиции под словом «буддология» понимают «науку о внутреннем предмете» (тиб. nang don rigs pa), связанную с процессом изменения мышления и поведения. Что касается использования слова «буддология» в современной науке, то, по ее мнению, это лишь обозначение текстологической и источниковедческой работы.

Ю. И. Дробышев (ИВ РАН) в докладе «Магические средства ведения войны на монголо-тибетском фронте» собрал свидетельства о том, какие магические средства монголы и их соперники применяли в борьбе между собой. Известно, что, отправляясь в военные походы, монголы совершали определенные ритуальные действия, из числа которых докладчик отметил два, о которых достоверно известно. Это обращенная к Вечному Небу молитва и ритуал окропления знамени. Иной информации о том, что монголы в первые десятилетия XIII в. обращались к помощи каких-либо иных божественных сил при военных действиях, в источниках нет. Докладчик затруднился сказать, был ли у них тогда персонифицированный бог войны, в качестве которого в поздней монгольской мифологии выступает Жамсаран, пришедший из тибетского пантеона. Тангуты же либо сами, либо с помощью тибетцев активно использовали против монголов магические средства, частью связанные с Махакалой¹, а частью пришедшие из древней, добуддийской, традиции. Докладчик о них подробно рассказал, а также показал их влияние на представления монголов. В частности, он отметил, что документально подтверждено использование Махакалы для достижения военных целей Хубилаем в основанной им империи Юань. Известно, что он был первым Чингисидом, получившим посвящение в тантру (1253 г.), еще до того, как он стал великим ханом.

Доклад Н. В. Александровой (ИВ РАН) «Волосы Будды: паломнический и житийный нарратив, изобразительная традиция» был посвящен культуре реликвий Будды, взаимосвязи которого с иными формами религиозной деятельности представляют большой интерес. В Индии этот культ нашел самое разнообразное отражение в литературе и был одним из проявлений всего комплекса буддийской культуры. Многочисленные описания сакральных локусов, из которых последовательно выстроены тексты китайских паломников, обошедших Индийский субконтинент, дают представление о множестве культовых центров и почитаемых реликвиях, об их разновидностях и их распределении в пространстве. К важнейшей категории реликвий, получивших название «телесных» (śarīradhātu), принадлежали «волосы Будды», сохранившиеся в ступах и монастырях. Докладчица, проанализировав собранные паломниками сведения и сопоставив их с индийскими житийными текстами, выявила связанные с «реликвиями волос» различные смысловые ассоциации, свойственные раннему буддизму. Она затронула также проблему соотношения культа волос Будды с изобразительными канонами и формульными текстами буддийской традиции.

Два доклада были посвящены **исследованию топонимов и их роли в изучении мировоззрения и культурных взаимодействий** исследуемых

¹ Махакала – защитник учения Будды, изображаемый в гневной форме.

регионов. *А. Г. Люлина* (ИВ РАН) в докладе «Особенности топонимов Западного края Китая (西域): лингвокультурный аспект» показала, как на географические названия в китайском языке влияли исторические и культурные изменения. На древних картах Китая в Западном крае были отображены преимущественно «китаезированные» топонимы, например оз. Иссык-куль называлось Жэхай (热海), Яркенд именовался Шачэ (莎车县), Памир – Цунлин (葱岭) и пр. На разных исторических этапах наименования одних и тех же топонимов менялись, отражая местные лингвокультурные особенности и изменения в восприятии Китаем народов и земель региона. Название 西域, как и первое наиболее полное описание, этот регион получил в «Хань шу» после путешествия чиновника Чжан Цяня в I в. до н. э. Следующим важным этапом развития связей Китая с народами региона стало распространение буддизма. Описание Западного края содержится в «Записках о буддийских странах» монаха Фа-сяня, а также немного позже в «Путешествии в Западный край в период Великой Тан», составленном монахом Сюань-цзаном (VII в.). Проникновение буддизма и необходимость перевода индийских сутр на китайский язык способствовали формированию китайской переводческой традиции, важным принципом которой стала фонетическая транскрипция непереводаемых понятий. Впоследствии это повлияло на характер изменений в переводе топонимов Сиюй. Докладчица показала, что исследование лингвокультурного аспекта топонимики Синьцзяна позволяет не только определить важные черты взаимодействия Китая с народами региона, но и выделить принципы перевода местных топонимов на китайский язык в разные исторические периоды.

А. Солька (независимый исследователь, Лозанна) в докладе «Скифский язык, топонимы Скифии и Центральной Азии, индоевропейские языки: культурные заимствования из Индии и культур древнего Понта Эвксинского» проанализировал скифские названия рек и мест, что, с одной стороны, позволило ему получить больше знаний о скифском языке, а с другой стороны, увидеть некоторые заимствования, свидетельствующие о культурных обменах с такими великими царствами, как Индия и Персия. Докладчик отметил огромную роль С. В. Кулланды в выработке методики изучения подобного материала и других источников скифских культур, позволяющих исследовать межкультурные связи в Понт-Эвксинском регионе и за его пределами.

Большинство докладов на «Рериховских чтениях» было посвящено **исследованию древних и средневековых индийских произведений, проблемам формирования их текстов, вопросам интерпретации и перевода.**

Л. И. Куликов (ВШЭ, Гентский ун-т) в докладе «Пятнистый охотничий зверь индоевропейцев и “Атхарваведа” 19.49.4 (заметки об индоиранском бестиарии)» предложил новую интерпретацию ведийского существительного *piśá-*. На основании филологического анализа двух ведийских фрагментов (из гимнов «Ригведа» 1.64.8 и «Атхарваведа» 19.49.4), а также сопоставления с некоторыми формами других индоевропейских языков (греческий, славянские, германские) он пришел к заключению, что это слово обозначает не антилопу или оленя (как считали большинство ведологов), а скорее крупного зверя из семейства кошачьих – гепарда или леопарда. Исходя из этого, им был предложен новый перевод стиха из «Атхарваведы» 19.49.4. В заключение доклада было проведено сравнение с еще несколькими фор-

мами, засвидетельствованными в «Ригведе» (*śábala-*, *śágvāra-*), неясными по значению, но, возможно, относящимися к той же семантической области, что и ведийское *piśá*.

Н. А. Корнеева (независимый исследователь, Москва) в докладе «Сура (*surā*) в ведийских ритуалах Ваджапея и Саутрамани» показала отличия в использовании *сур*² при проведении ритуалов *Ваджапеи*³ и *Саутрамани*⁴. На основании анализа источников она пришла к выводу, что сура в ведийских шраута-ритуалах связана с жертвоприношением сомы и выступает в качестве его продолжения или дополнения. При проведении Ваджапеи сура приобретает готовой, предписания по ее приготовлению даются только при описании Саутрамани, причем терминология, связанная с этим процессом, а также слова мантр и их предназначение свидетельствуют о тенденции имитировать жертвоприношение сомы. Только при проведении Саутрамани очищенная мантрами сура уподобляется соме, возмывается в огонь, и жертвователю или приглашенный брахман могут выпить ее остатки. При проведении Ваджапеи сура предлагается участникам гонок на колесницах.

А. М. Пахомова (МГУ) выступила с докладом «О роли змея (*nāga*) в вайшнавском культе раннего периода индуизма». Особое внимание она уделила образу Шешы или Анантешешы и истории его возникновения, при этом показав связь образов змей с важнейшими философскими категориями индуизма – *майей* и *шуньей*, а также *лилой*. В докладе также были рассмотрены объекты религиозного назначения, которые относятся как к культу змеопклонства, так и к почитанию Вишну и Лакшми. В основу исследования легли вишнукские религиозные тексты, возникшие до периода влияния кришнаизма, поскольку именно в них фигура змея еще не утратила свою космогоническую функцию. В связи со сложностью интерпретации змеиных образов докладчица проследила их эволюцию от «Ригведы» до «Ниламатапураны» и «Вишнупураны», рассматривая мифы различного содержания – от мотивов змееборчества культа Варахи до мотивов сотворения мира с помощью Шешы в мифе о пахтании молочного океана. Она проанализировала также миф о Вишну в образе Нараяны, в котором он отождествляется с Пурушей и связан с представлением о жертвоприношении. В ходе анализа мифов докладчица показала, какую роль в каждом из них играли змеи.

Доклад Н. Р. Лидовой (ИМЛИ РАН) «О манерах театральной игры: категория *вритти* в «Натъяшастре»» был посвящен категории *вритти* (*vr̥tti*), подробно описанной в «Натъяшастре» (II в. до н. э. – II в. н. э.) – древнейшем и наиболее авторитетном трактате по теории и практике театра. Будучи

² *Сура* (*súrā*) – название опьяняющего напитка, известного с древнейших времен, упоминаемого, начиная с «Ригведы». В поздних текстах – общее наименование хмельных напитков.

³ *Ваджапея* (*vājareya*, букв. «испытие силы») – древнейший ведийский шраута-ритуал, однодневное жертвоприношение сомы (*ekāhā*).

⁴ *Саутрамани* (*sautrāmanī*) – жертвоприношение Индре Сутраману (*sutrāman*, букв. «хорошо защищающий»), относится к хавир-яджне (*havir-yaǰña*) или ишти (*iṣṭi*) и включает жертвоприношение животных. Саутрамани не является жертвоприношением сомы, однако включает церемонии, характерные для жертвоприношения сомы, кроме того, некоторые элементы обрядов, связанных с сурой, имеют сходство с жертвоприношением сомы.

образованным от корня «vṛt» со значением «вертеть», «кружить», «поступать тем или иным образом», «происходить» и «существовать», термин *vṛtti* отражал представление о драме как малом «круговращении» жизни и использовался в театральном тезаурусе для обозначения «манеры» или «стиля» представления, позволяющего актерам как бы «разворачивать» драму на сцене. В докладе было показано значение *vṛtti* как важнейшего систематизирующего признака, по сути, главной конституирующей основы всех десяти видов драмы, и проанализированы взаимоотношения этой ключевой категории с другими понятиями трактата.

Доклад *Е. А. Юдицкой* (ИВ РАН) «Предварительные замечания к проблеме речевого сбоя в древнеиндийской теории драмы» был посвящен речевым ошибкам как средству художественной выразительности. Это оговорки, ослышки, путанные слова, речь в состоянии безумия, в предсмертной агонии и прочее. Отдельный тип речевого сбоя – это речь во сне и грезы наяву [7]. По мнению докладчицы, в *аланкарашастре* («науке об украшениях», индийской поэтики) среди разнообразных поэтических фигур (*аланкар*) с темой доклада соотносятся как минимум две: *бхрантимат аланкара* и *моха упама*. Обе *аланкары* связаны с мотивом ошибочного восприятия, воспроизводимого в текстах с помощью ошибок в речи. Оба понятия, лежащие в их основе, фигурируют в «Натьяшастре». Например, в XIX главе трактата в списке *сандхьянтарани* (список сюжетных мотивов) упоминается термин *бхранти* и другие термины, связанные с ошибками (например, *готраскалита* – ошибка в имени). В списке так называемых *лакшан* (характерных признаков) в XVI главе упоминается термин *бхрамша*, который можно трактовать как оговорку. Кроме того, в тех главах «Натьяшастры», где излагается теория *рас* и *бхав* (различных состояний), речевые ошибки упоминаются как симптомы определенных состояний, как, например, любовь в разъединении (*випраламба бхава*). В XX главе, посвященной описанию десяти видов санскритской драмы, фигурирует также термин *витхьянга* (элемент *витхи*), относящийся к списку из тринадцати «речевых ситуаций», которые надлежит использовать при написании пьесы в жанре *витхи*. Докладчица представила свой перевод тех *витхьянг*, в которых описываются разные виды речевого сбоя, и проиллюстрировала их примерами из пьес.

Доклад *Е. Г. Вырщикова* (ИВ РАН) «Мотивационные доминанты как “система ожидания” в санскритском и палийском повествовании» касался повествовательных эпизодов «Дигха-никая» и «Рамаяны». Докладчик отметил, что во всех случаях повествовательные эпизоды отличает от неповествовательных наличие активных персонажей, имеющих конкретную цель. Для достижения последней персонаж должен проявить волевой импульс («хочу!» по Л. С. Выготскому [8, с. 357–359]), который, в свою очередь, сопряжен с аффективной составляющей. По мысли автора, изучение повествования в «Рамаяне» и «Дигха-никая» добавляет в этот комплекс третью составляющую – семантическую. Однако анализ повествования выявляет и качественную разницу в действии аффективно-волевого и семантического комплексов. Первый по природе своей является доминантой, то есть при появлении подавляет все прочие волевые импульсы. Второй же, напротив, обозначением одной составляющей провоцирует опознание всей семантической структуры или мыслеобраза как целого, то есть, в терминологии В. Н. Романова, явля-

ется типичной «системой ожиданий» (см. [9]). Таким образом, как полагает докладчик, каждый мотивационный комплекс имеет двойственную природу.

В докладе *Е. В. Тюлиной* (ИВ РАН) «Особенности представлений о творении Вселенной и ее истории в пуранах» было показано, что особенности пуран как жанра во многом связаны с иным по сравнению с предшествующей литературой восприятием времени и истории. Считается, что тематику этих произведений определяют тексты, соответствующие так называемым «пяти признакам» (pañcalakṣaṇa): творение (sarga), гибель и новое творение (pratisarga), генеалогии (vaṁśa), периоды мира, каждый из которых имеет своего прародителя Ману (manvantara), и история Солнечной и Лунной царских династий (vaṁśānucarita). Все эти темы посвящены возникновению и истории Вселенной и демонстрируют своеобразные представления о времени, которые были проанализированы в докладе. Если в древности представления о времени были связаны с годовым циклом, объединяющим космические, природные и общественные, выраженные в ритуале циклы, то в пуранах наблюдаются попытки «распрямления» времени, подобно тому как это делается в европейских раннеисторических описаниях. Однако индийские «истории мира» можно называть так весьма условно – в них история в современном понимании этого слова подменяется мифологической историей. Творение, превратившееся в цепь творений, генеалогии богов и мудрецов, царские списки – все так или иначе связывается с историей перевоплощений Верховного бога и бесчисленных проявлений его энергий, с историей появления его многочисленных потомков и последователей.

С. О. Цветкова (СПбГУ) в докладе «Эпитет, образ, мотив в средневековой поэзии бхакти» показала, что в средневековой поэзии бхакти, главным образом кришнаитского, но и других направлений (в частности, песенной проповеди сантов), эпитет употребляется чрезвычайно редко. Это относится и к поэзии, наиболее приближенной к фольклору (песенные тексты Миры Баи, отчасти – Кабира), и к сочинениям более образованных в литературном плане авторов (Сурдаса, поэтов Аштачхап («[Союза] восьми свидетельств»). Разумеется, в кришнаитской средневековой поэзии широко употребляются все традиционные пуранические имена-эпитеты Кришны, в проповеди сантов – ряд эпических имен-эпитетов. В докладе же главное внимание было обращено на «небожественные» эпитеты и на приемы их замещения в средневековой индийской поэзии.

Доклад *О. П. Вечериной* (РУДН) «История Тирумулара»: биография бхакта и биография сиддха» был посвящен исследованию двух биографий тамильского поэта-бхакта Тирумулара, считающегося первым сиддхом среди тамильских сиддхов. Одна из них – это автобиография, написанная самим Тирумударом, и включенная им в текст первой тантры «Тирумантирам» (1.5.73–94). В ней кратко и последовательно описываются пройденные им самим четыре стадии четверичного пути богореализации (*чарья, крия, йога, джняна*), детальное изложение которых и является главной темой «Тирумантирам». Второй текст – это биография Тирумулара как одного из 63 бхактов-гонимых, список которых был канонизирован Сундараром в его знаменитом 39-м падигаме (Тируттондар тируттохей», tirumurai VII.39), инспирированном, согласно традиции, самим Шивой. Эта биография содержится в качестве самостоятельной пураны в «Перияпуранам» Секкилара

(XII в.) (tirumurai XII.36.3564–3591). В докладе был проведен сравнительный анализ этих биографий.

Н. В. Гордийчук (РУДН) в докладе «Любовные и религиозные мотивы в средневековой тамильской поэме “Тирукковейар” Маниккавасахара» рассказал об особенностях «Тирукковейар» («Священная гирлянда»), одним из двух дошедших до нас произведений святого и поэта Маниккавасахара (IX в.), составляющем восьмую книгу тамильского шиваитского канона «Паниру тирумуреи» («Двенадцать священных книг»). В отличие от «Тирувасахам» («Священные речения»), где практически отсутствует дистанция между автором и лирическим героем гимнов, обращенных к Шиве, «Тирукковейар» состоит из четырехсот стихотворений, стилизованных под древнюю любовную поэзию в жанре *ахам* и написанных от лица ее персонажей (герой, героиня, подруга героини, бродячий музыкант и др.) Однако, по мнению докладчика, отличия «Тирукковейар» от древней поэзии *ахам* весьма существенны. Отдельные стихотворения в антологии (поэме?) выстроены в форме единого нарратива, что было не характерно для древних поэтических сборников эпохи Санги. Кроме того, в них вплетены мотивы шиваитской гимнографии, в результате чего возникает дополнительный уровень интерпретации: основным предметом этой поэзии становится не любовное чувство между людьми, а отношения между бхактом и божеством.

М. Б. Мейтарчян (ИВ РАН) в докладе «Зороастрийский культ огня и ритуалы парсов Индии» показала, каковы особенности культа огня у парсов. Так называли зороастрийцев, которые после исламского завоевания Ирана в VIII в. переместились в Индию. История их общины отражена в эпической поэме «Киссаи-Санджан» («Сказ о Санджане»), которую сочинил в 1600 г. парсийский жрец Бахман на основе устных преданий. Из нее известно об особенностях почитания священного огня Аташ-Бахрам, о которых и было рассказано в докладе. Первое поселение парсов было разрушено около 1405 г. Однако парсы спасли огонь Аташ-Бахрам и перенесли в пещеру «на горе по имени Бахрот» в 14 милях от Санджана. Предположительно, его держали в металлическом сосуде афринагане, который обычно использовали при богослужении для горящих углей, что было отступлением от традиционного ритуала почитания священного огня на каменном алтаре в виде колонны. Это послужило началом новой традиции использования металлических сосудов для всех священных огней. Докладчица рассказала об особенностях главной зороастрийской литургии «Йасны», отметив описание ритуала в парсийском храме, приведенное Б. А. Литвинским [10, с. 334–335].

В докладе «Астрологические манускрипты на танкри из коллекции Кхубрама Кхушдиля (Химачал-Прадеш): особенности текстов и датировка» *А. С. Крылова* (ИВ РАН), *Е. А. Ренковская* (ИЯз РАН, ИВ РАН) рассказали о своих исследованиях частной коллекции рукописей, полученной ими в оцифрованном виде во время лингвистической экспедиции в округ Куллу штата Химачал-Прадеш (Индия). Письменность танкри (такри) была распространена в XVI–XX вв. в горных районах Северо-Западной Индии (на территории современных штатов Химачал-Прадеш, а также Пенджаб, Уттаракханд и союзной территории Джамму и Кашмир) и утрачена в XX в. в связи с переходом на деванагари. Коллекция рукописей была собрана жителем округа Куллу Кхубрамом Кхушдилем (ум. 2020), последним человеком в регионе,

читающим эту письменность. Докладчицы впервые ознакомились с его коллекцией в 2014 г., а в 2017 г. она была оцифрована местным режиссером-документалистом Хималом Начикетом и передана им в оцифрованном виде. Коллекция состоит из около 5000 файлов формата jpg. В нее не вошел ряд документов, которые могли вызвать конфликты среди местного населения. Тексты коллекции были созданы в разных регионах и в разное время, поскольку они записаны разными локальными вариантами танкри. На некоторых видны комментарии и пометы Кхубрама Кхушдиля. Помимо танкри в манускриптах также встречаются отдельные записи арабским письмом, а также тексты на санскрите и языках химачали, записанные деванагари. Ряд рукописей содержат иллюстрации (астрологические схемы, иконографические изображения богов и героев). Изучение этой коллекции представляет большой интерес, так как подобные памятники на танкри до сих пор остаются за пределами внимания исследователей.

Доклад *Е. А. Ренковской* (ИЯз РАН, ИВ РАН) «Жизнь и реалии Кумаона в народных песнях-*ньоли*» был посвящен фольклорному песенному жанру *ньоли*, распространенному в регионе Кумаон (одном из исторических и административных регионов штата Уттаракханд, Индия). *Ньоли* представляет собой пропеваемое рифмованное двустиишие, в котором первая и вторая строки могут быть связаны между собой по смыслу, а могут быть независимыми. *Ньоли* считается женским фольклорным жанром: основная его тема – разлука с мужем или любимым. Этимология этого слова на данный момент не имеет однозначного толкования. Существует мнение, что жанр *ньоли* (*nyoli*) назван так по имени лесной птицы, которая считается символом тоски в разлуке из-за ее «плачущего» крика. При этом само слово *nyoli* с большой вероятностью является контаминацией слов *пәи* «новая» и *буоли* «невеста» – «женщина, недавно вышедшая замуж» (аналогичные контаминации отмечаются, в частности, в непали, ср. *перто* «плосконосый» < *пәк* «нос» + *серто* «плоский»). В докладе были рассмотрены некоторые тексты *ньоли*, в которых упоминаются топонимы Кумаона и многие другие реалии этого региона, отражающие природу, быт, исторические и социальные особенности.

На чтениях выступили также и исследователи **индийской философии**. Доклад *Н. А. Канаевой* (ВШЭ) «Был ли Панчашикха материалистом?» был посвящен проблемам изучения истории философии индийской системы санкхья. Известный специалист по санкхье Джеральд Джеймс Ларсон в своей работе [11] признавал, что в литературе пока нет полного понимания смысла главных концептов санкхьи (*пракрити*, *пуруша*, *виека*, *виджняна*, *кайвалья* и т. д.) и неясно, в каком смысле надо понимать эволюцию материи: космологическом и/или психологическом. Подтверждение его оценки можно найти в последних исследованиях, в частности защищаемых диссертациях, в которых один из известных учителей санкхьи, Панчашикха (ок. 100, по К. Поттеру), идентифицируется как материалист. Опираясь на подробное исследование 211–212 глав «Мокшадхармы» (в русском переводе 218–219) [12, с. 164–174], проведенное Ангеликой Маллинар [13], докладчица пришла к следующему выводу: Панчашикха отвергает не идею субстанциального «я», а ошибочные доводы и ошибочные доводы, приводимые другими в поддержку существования неизменного «я» как духовной субстанции. Поэтому Панчашикху нельзя считать материалистом.

С. Ч. *Офермас* (ИВ РАН) в докладе «Зеркало, конец иллюзии. Или как удовлетворить тайно влюбленную, касающуюся кувшинами грудей отражения возлюбленного» представил свое исследование отрывка из III главы «Тантра-алоки» Абхинавагупты (3.1–23). Глава, в которую входит этот отрывок, посвящена так называемому «пути, или подходу Шамбху (Шивы)» (*śāmbhavarāya*), описывающему состояние, когда ты ощущаешь себя Шивой, и то, как мир проявляется из тебя, когда ты Шива. В ней систематизировано то, что с оговорками можно назвать «теорией отражения», притом отражения именно зрительного, метафорой которого является зеркало, упоминаемое в словах, вошедших в название данного доклада. Докладчик предложил свое прочтение и толкование упомянутого отрывка, а также комментарии к тексту, написанного Джаяратхой, последователем Абхинавагупты.

Несколько докладов были посвящены **индийскому искусству и отражению Индии и ее представлений в культуре других народов**.

В докладе *Д. Н. Воробьевой* (ГИИ) «Эволюция струнного музыкально-го инструмента вины на материале скульптуры пещерных храмов южной Индии (I–X вв.)» на примере анализа скульптуры южноиндийских пещерных комплексов (включая Декан) было показано, какие струнные инструменты бытовали в Индии с V до X в. Всего изображаются пять типов струнных инструментов: дуговая арфа, лютия, бамбуковая, коробчатая и трубчатая цитры. Два первых типа инструментов являются, скорее всего, «привозными» – не так много их изображений встречается в скульптуре храмов. Наиболее распространенным музыкальным инструментом является бамбуковая цитра с одним тыквенным резонатором, помещаемым в верхней части инструмента. Докладчица проследила эволюцию этого инструмента: он может быть и однострунным, и многострунным – об этом говорит ширина грифа, с течением времени прибавляется второй тыквенный резонатор в нижней части инструмента, что можно отметить уже в скульптуре IX–X вв., например в рельефах галереи храма Кайласанатха в Эллоре и рельефах джайнских храмов того же комплекса.

Е. О. Кузина (РУДН) в докладе «Визуальная поэзия или поэтический рисунок Рабиндраната Тагора: традиция каллиграфии и “фигуры-лампы”» рассмотрела взаимосвязь художественных образов Тагора с традицией исламской каллиграфии и сопоставила некоторые его рисунки со стихотворениями. Это дало возможность предложить новый подход в описании и интерпретации его весьма обширного художественного наследия. Докладчица показала, что на творчество Тагора, воспитанного на персидской литературе, большое влияние оказала суфийская традиция, в которой каллиграфия имела особое, *нуминозное*⁵, значение. В одной из поздних серий Тагора, так называемые «фигуры-лампы», суфийское влияние особенно ярко выражено: эти фигуры прочитываются, с одной стороны, словно отдельные буквы, формально напоминая арабскую вязь, а с другой – выражают важнейшую для этой традиции идею мистического света. Одновременно с этим образ лампы часто встречается в поэзии Тагора, можно найти немало стихотворений, в которых идея мистического света выражается с помощью подобной метафоры. Например, в нескольких стихотворениях сборника «Гитанджали» в разных контекстах

⁵ *Нумен* – «явленное сакральное».

появляется «лампа» или «светильник». Все эти примеры были рассмотрены и проанализированы в докладе.

М. С. Фомин (Ольстерский ун-т) в докладе «Индийское царство и индийские диковины в средневековых ирландских рукописях XV в. “Романа об Александре”» рассказал о своих исследованиях произведений из цикла об Александре Македонском, сохранившихся в переводах на ирландский язык. Он рассмотрел фрагменты трех рукописей: Оксфордской рукописи Бодлеянской библиотеки Роулинсон (Б 504), а также двух рукописей из библиотеки Королевской академии наук Ирландии – «Пестрой Книги» и «Книги из Баллимоута». В данных источниках рассказывается о кампании армии Александра в Индии, приводится описание дворца индийского царя Пора, а также диковинных зверей (слонов, бегемотов, львов, пантер, змей с двумя и тремя головами и так далее). Докладчик указал, что вышеперечисленные звери изображены на карте мира (Mapra Mundi) XIII в., которая хранится в соборе Херефорда в Англии. Так как указанные ирландские рукописи составлялись переписчиками, работавшими по заказу знатных англо-норманнских семей (еще не утративших связь с метрополией), можно говорить о том, что переписчики были знакомы с данными карты из Херефорда и использовали их для описания диковин Индии в ирландской версии «Романа об Александре».

Доклад *А. Г. Мехакяна* (ГММ А. Н. Скрябина) «Танец суфийских дервишей-волчков ритуала “сама” и сакральный “танец вихря” (фр. dance vertige) “Мистерии” А. Н. Скрябина» был посвящен теме головокружительного священного танца, ведущего к экстазу или слиянию с Абсолютом, появившейся в симфонических поэмах композитора («Поэма Экстаза», «Прометей. Поэма огня»). Есть основания предположить, что появление темы экстатического танца в «Поэме Экстаза» было обусловлено увлечением композитора культурой античности, в частности мистериальным культом Диониса-Вакха, о чем в своей книге «Скрябин» пишет друг и единомышленник композитора, известный поэт-символист, философ Серебряного века В. И. Иванов [14, с. 67]. Тема неистового экстатического танца в творчестве А. Н. Скрябина могла появиться и под влиянием индийской, в частности суфийской мистической, философии, в которой священный танец вертящихся дервишей играл особую роль. По воспоминаниям музыковеда Л. Л. Сабанеева, увлечению Скрябина суфийской философией способствовала встреча композитора в 1914 г. в Москве со знаменитым индийским музыкантом, поэтом и суфийским философом Хазратом Инайятом Ханом [15, с. 200]. Сакральная хореография должна была занять свое достойное место в скрябинском синтезе искусств, в создаваемой им грандиозной синэстетической «Мистерии». Докладчик также показал, что поэтико-философские тексты композитора свидетельствуют о его большом интересе к индийской традиции.

В конце конференции выступили докладчики, занимающиеся **исследованием научного и культурного наследия Ю. Н. Рериха**.

А. М. Шустова (ИВ РАН) в докладе «Вклад Ю. Н. Рериха в развитие тибетского языкознания» отметила, что Ю. Н. Рерих (1902–1960), занимавшийся исследованиями самых разнообразных аспектов тибетской истории и культуры, особенных успехов добился в области тибетского языкознания. Он впервые разработал методологию научного описания конкретного тибет-

ского диалекта, дал транскрипцию и транслитерацию неизвестных до того времени тибетских диалектов, составил лингвистическую карту Тибета, впервые в тибетологии поставил вопрос о необходимости и важности научного изучения современных диалектов тибетского языка. Он стал основоположником новой для того времени отрасли тибетологии – тибетской диалектологии. Ю. Н. Рерих уделял большое внимание проблеме фонетической транскрипции тибетского языка, научной классификации тибетских звуков, в особенности транслитерации и транскрипции современного тибетского языка посредством кириллицы. Помимо написания ряда статей и монографий, он составил большой «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями». Тибетологические исследования Ю. Н. Рериха были продолжены его учениками-тибетологами: М. И. Воробьевой-Десятовской, Ю. М. Парфионовичем, В. С. Дыльковой, И. Н. Комаровой, Б. Д. Бадараевым, Ш. Бирой, а также В. А. Богословским и А. М. Пятигорским.

Доклад *А. В. Бондарева* (РГПУ) «Культурологический поворот» в исследованиях Ю. Н. Рериха и Л. Н. Гумилёва» был посвящен роли вышеупомянутых ученых в историко-культурологических исследованиях. По материалам личного архива Л. Н. Гумилёва и существующих воспоминаний докладчик реконструировал обстоятельства знакомства и дружбы Гумилёвых и Рерихов, историю их творческих связей и научных контактов. В докладе был проведен сравнительный анализ направлений исследований Ю. Н. Рериха и Л. Н. Гумилёва в области изучения историко-культурной проблематики. Это позволило докладчику метафорически охарактеризовать обращение Ю. Н. Рериха и Л. Н. Гумилёва к историко-культурологической и этнокультурологической проблематике как своего рода «культурологический поворот», открывший совершенно особые перспективы в познании самих глубинных основ единства и многообразия различных самобытных культурных миров.

Доклад *Д. А. Кораблина* (ИВ РАН) «Вклад Ю. Н. Рериха в формирование «транскультурного пространства» Калимпонга (1950-е гг. XX в.)» основывался на материале писем Ю. Н. Рериха, написанных во время пребывания в Калимпонге – небольшом городе княжества Сикким, бывшем настоящим перекрестком культур и «воротами в Тибет». В Калимпонге возникло особое культурное пространство, в котором происходило не только самое разнообразное взаимодействие различных сообществ и отдельных личностей, но также в нем сошлись цивилизационные и политические системы колониального, индийского и тибетского миров. Вклад Ю. Н. Рериха в формирование «транскультурного пространства», по мнению докладчика, определялся его культурной, научной и просветительской деятельностью, во многом направленной на консолидацию местного сообщества. Его активное участие можно проследить по ряду публикаций в газетах: чтение публичных лекций, открытие выставок, участие в религиозных и национальных праздниках, членство в различных общественных организациях. Докладчик пришел к выводу, что характерной особенностью культурного диалога и формирования «транскультурного пространства» в Калимпонге в 1950-е гг. была амбивалентность: традиционные слои тибетцев оказались включенными в модернистские течения, а западные модернисты, востоковеды и тибетологи во многом стремились сохранить традиционный уклад тибетской цивилизации (Ю. Н. Рерих, М. Паллис, Принц Петр Греческий и Датский, Сангхарагшита

и др.). В докладе также был сделан ряд уточнений, касающихся биографии Ю. Н. Рериха.

Заключение

На «Рериховских чтениях» выступили 32 участника. Тематика чтений и географический ареал изучаемых стран соответствовал научным интересам Ю. Н. Рериха. Большинство докладов было посвящено исследованию Индии и Тибета и относилось к самым разным научным дисциплинам – лингвистике, филологии, истории, искусствоведению, философии, религиоведению. Все выступления так или иначе соответствовали общей теме конференции – «Текст и пространство культуры. Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия», – что дало возможность для обсуждения широкого круга вопросов, касающихся проблем формирования и развития культуры, культурных влияний и заимствований, межкультурных связей. Часть докладов была посвящена изучению архивных материалов и наследия Ю. Н. Рериха, Ю. М. Парфионовича и других выдающихся ученых и деятелей культуры, входивших в их круг общения.

Список сокращений

- ВШЭ – Высшая школа экономики, Москва, Россия
State Academic University for Humanities, Moscow, Russia
- Гентский ун-т – Universiteit Gent (Нидерл.), Гент, Бельгия
Ghent University, Ghent, Belgium
- ГИИ – Государственный институт искусствознания, Москва, Россия
The State Institute of Art Studies of the Russian Federation, Moscow, Russia
- ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия
Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- ИВ НАН – Институт востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
A. Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies. National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
- ИВР РАН – Институт восточных рукописей, Санкт-Петербург, Россия
Institute of Oriental Manuscripts, St. Petersburg, Russia
- ИМЛИ РАН – Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Москва, Россия
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Исп. ком. СНГ – Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств
Executive Committee of the Commonwealth of Independent States, Moscow, Russia
- ИЯз РАН – Институт языкознания РАН, Москва, Россия
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- ММС – Мемориальный музей А. Н. Скрябина. г. Москва, Россия
Alexander Scriabin Memorial Museum, Moscow, Russia
- Ольстерский ун-т – Ольстерский университет, Северная Ирландия
Ulster University, Northern Ireland
- РГПУ – Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia
- РУДН – Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
RUDN University, Moscow, Russia
- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-
Петербург, Россия
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Литература

1. Рерих Ю. Н. *Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями* / под ред. Ю. Парфионовича и В. Дылыковой. Вып. 1–11. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1983–1993. 338 с.; 408 с.; 432 с.; 376 с.; 312 с.; 374 с.; 320 с.; 312 с.; 296 с.; 344 с.; 174 с.
2. *Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the Blue Beryl Treatise of Sangye Gyamtsö (1653–1705)*: Ed. Y. Parfionovitch, G. Dorje and F. Meyer. London: Serindia Publications, 1992. 336 p.
3. *Атлас тибетской медицины: Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII в. «Голубой берилл»* // науч. ред. Ю. М. Парфионович / вступ. ст. Н. Д. Болсохоевой и др. М.: Галактика; Галарт, 1994. 587 с.
4. Семичев Б. В., Парфионович Ю. М., Дандарон Б. Д. *Краткий тибето-русский словарь*. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей; 1963. 584 с.
5. Парфионович Ю. М. *Тибетский письменный язык*. М.: Наука; ГРВЛ, 1970. 182 с.
6. *Украшение из постижений (V, VI, VII главы) Изучение пути махаяны в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун* / пер. с тибетского, предисл., введ., комм. Р. Н. Крапивинной. СПб: Нестор-История, 2014. 394 с.
7. Юдицкая Е. А. Речь во сне и грезы наяву в классической санскритской драме. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 216–230. DOI: 10.31857/S086919080015159-1
8. Выготский Л. С. *Мышление и речь*. М: Лабиринт, 1996. 416 с.
9. Романов В. Н. *Историческое развитие культуры (психолого-типологический аспект)*. М.: Савин, 2003. 448 с.
10. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. *Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан)*. Том 1. *Раскопки Архитектура. Религиозная жизнь*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 503 с.

11. Larson G. J. Pañcaśikha. *Encyclopedia of Indian Philosophies*. Ed. K. Potter. Vol. IV. *Sāṃkhya: A Dualist Tradition in Indian Philosophy*. Eds. G. J. Larson and R. Sh. Bhattacharya. Delhi: Motilal Banarsidass, 1987. Pt. I. Pp. 1–103.

12. *Махабхарата: Мокшадхарма (Основа освобождения)*. Пер., предисл. Б. Л. Смирнова. Ашхабад: Ылым, 1983. 664 с.

13. Malinar A. Narrating Sāṃkhya Philosophy: Bhīṣma, Janaka and Pañcaśikha at Mahābhārata 12.211–12. *Journal of Indian Philosophy*; 2017. Vol. 45, p. 609–649. DOI 10.1007/s10781–017–9315–5.

14. Иванов Вяч. *Скрябин*. М.: Ирис-Пресс, 1996. 96 с.

15. Сабанеев Л. Л. *Воспоминания о Скрябине*. М.: Классика-XXI, 2000. 392 с.

Информация об авторе

Тюлина Елена Валерьевна – кандидат исторических наук старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>,
© tyulina57@mail.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27 марта 2021. Одобрена после рецензирования: 21 апреля 2022. Принята к публикации: 07 мая 2022. Опубликована: 29 июня 2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Roerich Yu. N. *Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels*. Ed. by Yu. Parfionovich and V. Dylykova. Issue 1–11. Moscow: "Oriental Literature" Publishers, 1983–1993. 338 p.; 408 p.; 432 p.; 376 p.; 312 p.; 374 p.; 320 p.; 312 p.; 296 p.; 344 p.; 174 p. (In Russ.)

2. *Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the Blue Beryl Treatise of Sangye Gyamtsö (1653–1705)*: Ed. Y. Parfionovitch, G. Dorje and F. Meyer. London: Serindia Publications, 1992. 336 p.

3. Atlas of Tibetan Medicine: A Set of Illustrations to the Tibetan Medical Treatise of the XVII Century “Blue Beryl”: Scientific ed. Yu. M. Parfionovich; [Introductory articles by N. D. Bolsokhoeva and others]. Moscow: Galaktika; Galart, 1994. 587 p. (In Russ.)

4. Semichev B. V., Parfionovich Yu. M., Dandaron B. D. *A Brief Tibetan-Russian Dictionary*. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1963. 584 p. (In Russ.)

5. Parfionovich Yu. M. *Tibetan Written Language*. Moscow: Nauka; GRVL, 1970. 182 p. (In Russ.)

6. *Decoration of the realizations (V, VI, VII chapters). The study of the Mahayana path in the Homan Datsan of the Tibetan monastery Drepung*: Transl. from Tibetan, pref., intr., comm. by R. N. Krapivina. St. Petersburg: Nestor-History, 2014. 394 p. (In Russ.)

7. Yuditskaya E. A. Somniloquy and Daydreaming in Classical Sanskrit Drama. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. P. 216–230 (In Russ.) DOI: 10.31857/S086919080015159–1.

8. Vygotsky L. S. *Thinking and Speech*. Moscow: Labyrinth; 1996. 416 p. (In Russ.)

9. Romanov V. N. Historical Development of Culture (Psychological and Typological Aspect). Moscow: Savin, 2003. 448 p. (In Russ.)

10. Litvinsky B. A., Pichikian I. R. *The Hellenistic Temple of the Oxus in Bactria (South Tajikistan)*. Vol.1 *Excavations. Architecture. Religious Life*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publishers, 2000. 503 p. (In Russ.)

11. Larson G. J. Pañcaśikha. *Encyclopedia of Indian Philosophies*. Ed. K. Potter. Vol. IV. *Sāṃkhya: A Dualist Tradition in Indian Philosophy*. Eds. G. J. Larson and R. Sh. Bhattacharya. Delhi: Motilal Banarsidass; 1987. Pt. I. P. 1–103.

12. *Mahabharata: Mokshadharma (The Basis of Liberation)* / trans., preface by B. L. Smirnov. Ashgabat: Ylym, 1983. 664 p. (In Russ.)

13. Malinar A. Narrating Sāṃkhya Philosophy: Bhīṣma, Janaka and Pañcaśikha at Mahābhārata 12.211–12. *Journal of Indian Philosophy*; 2017. Vol. 45. P. 609–649. DOI 10.1007/s10781–017–9315–5.

14. Ivanov V. *Scriabin*. Moscow: Iris-Press, 1996. 96 p. (In Russ.)

15. Sabaneev L. L. *Memories of Scriabin*. Moscow: Classics-XXI, 2000. 392 p. (In Russ.)

Information about the author

Elena V. Tyulina – Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow at the Department of the History of the Orient, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>, tyulina57@mail.ru

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: March 27, 2022. Approved after peer reviewing: April 21, 2022.
Accepted for publication: May 07, 2022. Published: June 29, 2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.